

5 сент. 1978
ПРАВДА 1248

В МЕМОРИАЛЕ Л. Н. Толстого, который расположен на железнодорожной станции, носящей имя писателя, открылась новая экспозиция. Она знакомит с творческой деятельностью Толстого в последний год его жизни и воскрешает в вещах и документах трагические дни ноября 1910 года. Как известно, гениальный художник и мыслитель скончался здесь.

Первая достопримечательность станции — часы над платформой. Одетые в старинный футляр, они показывают 6 часов 05 минут. Недавно их реставрировали, четче прописали римские цифры, вернули футляру первоначальный черный вид. Такими они были 31 октября, когда Лев Николаевич вошел в помещение вокзала.

От платформы до музея — сто шагов... В первом зале внимание привлекает оцинкованная железная доска: «Здесь скончался Лев Николаевич Толстой 7 ноября 1910 г.»

— Появление этого знака — свидетельство любви простых людей к Толстому, — рассказывает заведующая филиалом В. И. Кузовкина. — Быть может, это первая в России мемориальная доска, посвященная писателю. Через три дня после его смерти в домик пришли железнодорожники. Они показали начальнику станции Ивану Ивановичу Озолину металлический лист и спросили: «Где прибить?» Он молча кивнул на стену у входа. «Теперь этот домик должен стать музеем», — сказал Иван Иванович. И добавил: «Фактически он и стал им. В ту комнату никто из на-

ТАКАЯ СТАНЦИЯ...

Репортаж из дома, давшего последний приют Л. Н. Толстому

шей семья ни разу не вошел. Там все остается так, как было при нем»...

С 1910 до 1946 года по негласной традиции начальники станции Астапово были хранителями толстовской комнаты. За 36 лет сменилось не одно поколение железнодорожников. Разные люди приходили на должность руководителя узловой станции. Но среди всех забот о паровозах и локомотивах, водокачках и угле, запасных чистых и сене для коров они не забывали об ответственности за сохранность 20-метровой сумрачной комнаты. Это им, железнодорожникам, мы обязаны тем, что и сегодня здесь те же обои с желтыми и зелеными листочками, шторы на окнах. Плед писателя, одежда, в которой он приехал, железная кружка. Пузырьки с лекарствами, медный подсвечник. Три стула, кровати...

Новая экспозиция, конечно же, не коснулась толстовской комнаты, вход в которую по-прежнему преграждает прозрачный щит. А вот все остальные помещения домика в юбилейный год преобразились. В первом зале собраны материалы, отражающие общественную, литературную деятельность Толстого в 1910 году. Мы видим здесь последний прижизненный портрет Толстого, сделанный

художником В. Мешковым.

Вот и те 50 писем, которые Толстой получил за 10 месяцев 1910 года из разных стран. Здесь и приглашение автору «Войны и мира» на XVIII международный мирный конгресс в Стокгольме. А это — письма от крестьян. Их — сотня. И ни одно не осталось без ответа. Документы чередуются с фотографиями. Гляжу на снимок, датированный сентябрем 1910 года. В Кочетах Толстой встретил группу крестьян. Разговаривал с ними. Присел прямо на пыльную дорогу. Не обращал внимания на фотосъемку — видимо, захватил его разговор.

Сотрудники музея, их московские коллеги и художники нашли интересный «кинематографический» ход. Создавая экспозицию, они как бы разделили жизнь Толстого на 10 последних дней и в на 82 года и 49 дней, предшествующих его уходу из Ясной Поляны.

На картине В. Мешкова запечатлена дверь в яснополянский кабинет, которую утром 28 октября Лев Николаевич последний раз закрыл за собой. Экспозиция словно предлагает: смотрите на эту дверь — и вспоминайте. Дочка Льва Николаевича — Татьяна — как-то задала вопрос отцу: «Где вы родились?» «В Ясной Поляне на кожаном диване», — был ответ. И, закрывая за со-

бой дверь, он, наверное, вспомнил и этот кожаный диван, и портреты отца и матери, и мысленно простился с 22 тысячами томов своей библиотеки на 35 ящиках.

Уходя ночью из родного дома, писатель мечтал поселиться в мужицкой избе, среди «низов», тяжкий труд которых он знал и уважал. Его протест будет оплачен дорожной ценой — ценой жизни. Все закончилось здесь, на тихой станции, расположенной среди холмов Среднерусской возвышенности. Отсюда, из Астапова, за семь ноябрьских дней 1910 года ушло телеграмм больше, чем за всю историю этой станции. Прочитаем ту, что передана 3 ноября корреспондентом газеты «Утро России»:

«Чем оправдаемся мы в нашем преступлении?.. Ведь это общерусская вина в том, что Толстой... бежал ночью, торопясь кучера, заматав след то Калугой, то Козельском, то Шамордином, пересаживаясь, слабый и больной, с поезда на телегу, с телеги снова в вагон.

Сгубили Пушкина и Лермонтова, лишили рассудка Гоголя, сгноили в каторге Достоевского, выгнали на чужую сторону Тургенева, свалили, наконец, на деревенскую лавку захолустной станции 82-летнего Толстого».

«Нашим преступлением» журналист назвал преступление царя, священного синода и правящих кругов России. А «верха», едва получив сообщение об уходе Толстого из Ясной Поляны, поняли, какую реакцию вызовет этот поступок.

Знакомясь с новой экспозицией мемориала, мы читаем документы и видим, как на всем пути Толстого от Ясной Поляны до Астапова за писателем была установлена полицейская слежка. Маршрут контролировался на каждом километре — со всех станций шли в столицы шифрованные телеграммы. Вот одна из них: вахмистр Пушкин из Белева приказывает унтер-офицеру на станции Куркино: «По прибытии п. № 12 немедленно справиться, едет ли с этим поездом писатель Лев Толстой».

Через три часа унтер-офицер Дыкин послал ответ: «Едет п. № 12 по билету 2 класса Ростов-Дон». И этот билет хранится в музее на станции Лев Толстой. «Волово — Ростов-Дон» — написано на нем. Научный сотрудник М. А. Глаголева предостерегает:

— Не повторите ошибку некоторых биографов. Установлено: билет Толстому купили на станции Дворики, такой маленькой, что там не бы-

ло даже компостера. Поэтому на музейном экспонате написана станция Волово, печатью которой пользовались во Двориках...

Небольшая деталь, она передает атмосферу погони. Еще 30 октября вечером, прощаясь со своей сестрой Марией Николаевной в Шамордине, Лев Николаевич не знал, каким поездом и куда поедет. Но уже в пять утра он разбудил своих спутников и стал торопить их в дорогу.

В Козельске Толстой без билета сел в поезд № 12. Липы через семь часов его спутникам удалось в Двориках приобрести картонный жетон, ныне ставший музейной ценностью.

А фотография И. И. Озолина на одном из стендов возвращает нас в трагическое 31 октября, когда тяжело больного писателя приютит в своих комнатах начальник станции Астапово.

Документы этого дня подобрали так, что они зримо передают напряженную атмосферу ненастного вечера. Озолин еще только провожает Л. Толстого в свой дом, а в это время телеграф отстывает донесение унтер-офицера Филиппова: «Елец... Писатель граф Толстой проездом п. 12 заболел. Начальник станции г. Озолин принял его в свою квартиру». Хотя и небольшую

должность занимал унтер Филиппов, но дорожил своим местом и, уж конечно, в нем имел отменный. Как ловко возложил всю вину на мягкого и добрейшего Озолина. Унтер словно предвидел, что последует окрик генерал-майора Н. Львова: «Телеграфируйте, кем разрешено Льву Толстому пребывание в Астапове, станционном здании, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство».

Они его боялись — даже приговоренного к постели, обреченного на бездействие. Они страшились его, 82-летнего, которого В. И. Ленин назвал «зеркалом русской революции».

Идя по залам музея, изучая материалы, читая исторические так называемые «астаповские телеграммы», еще раз убеждаешься, как две России — буржуазная и трудовая — по-разному переживали болезнь писателя. Простые люди с первых же минут окружили Толстого заботой и вниманием. Никто не давал команду машинистам паровозов соблюдать тишину, но за все дни болезни Толстого в округе не раздалось ни одного гудка.

С волнением смотрим последнюю запись, сделанную Толстым в Астапове: «Вот и план мой... И все на благо и другим, и главное, мне» — точку Толстой не поставил...

А. ЮСИН.
(Спец. корр. «Правды».)
ст. Лев Толстой.
Липецкая область.